

УДК 94(47)“17/1917”
ББК 63.3(2)521.1

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ О ЕВРОПЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА I (СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)

Т.А. Макарова

Учебная литература – это важный историографический материал, в котором показано, как менялись взгляды и оценки историков на внешнюю политику Александра I в разные исторические эпохи (советский и постсоветский периоды). В данной статье предпринята попытка показать, как историография вопроса о внешней политике Александра I демонстрирует смену политических и теоретических ориентиров общества.

Ключевые слова: историография, учебная литература, советский и постсоветский периоды, Александр I, Наполеон, внешняя политика.

Учебная литература является значимым историографическим материалом, так как именно в ней отражаются взгляды и оценки, господствующие в ту или иную историческую эпоху. Большое значение имеет анализ отечественной учебной литературы об изменении трактовок неоднозначной внешней политики противоречивой фигуры Александра I. За длительный период развития отечественной учебной литературы значительно расширился круг привлекаемых источников, поднялся методологический уровень исследований, существенно изменялся характер работ и актуальных тем. В связи с этим наступило время подвести некоторые итоги, определить, в чем взгляды и трактовки авторов различались, что выдержало критику и устоялось в науке, какие достижения науки вошли в учебники и учебные пособия. Необходимо также выяснить, как в учебной литературе оценивается роль Александра I во внешней политике России, какие оценки давались авторами участию России в 3 и 4-й антинаполеоновских коалициях, Тильзитскому миру и континентальной блокаде, войне 1812 г. и зарубежными походами 1813–1814 гг., как историки

трактовали причины создания Священного союза и его роль.

В рамках советской учебной литературы можно выделить две различные трактовки внешней политики Александра I. Крайне негативно оценивали царскую дипломатию Н. Покровский и историки его школы. Однако со второй половины 1930-х гг. в советской учебной литературе постепенно утверждается более позитивное освещение внешней политики России первой четверти XIX в. (М.В. Нечкина, Н.С. Киняпина, Л.В. Черепнин и др.). Можно констатировать то общее, что было присуще советской учебной исторической литературе, рассматривающей внешнюю политику Александра I. В качестве методологической основы своих исследований все советские историки признавали марксизм-ленинизм. Теоретическим базисом советских исследователей внешней политики России первой четверти XIX в. было положение Ленина о кризисе феодально-крепостнической системы, о связи внешней политики с внутренней, в частности о связи войн с тем строем, из которого они вытекают, о классовых основах самодержавной власти в России [14, с. 55]. Советские историки обильно цитировали К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Марксистские трактовки внешней политики Александра I привнесли в историю классовый

анализ и подход, а также недооценку роли личности, в частности Александра Павловича. Тем не менее взгляды советских историков не были застывшими и претерпевали определенные изменения.

Становление советской учебной литературы связано с именем М.Н. Покровского и его работой «Русская история в самом сжатом очерке», ставшей первым в советской историографии систематическим марксистским курсом русской истории. Эта работа была направлена против главных концепций русских дореволюционных историков как консервативного, так и либерального направления. Покровский впервые в исторической учебной литературе при рассмотрении внешней политики исходил из анализа интересов правящих классов, акцентируя внимание на реакционности царизма и его экспансионистских целях.

В «Русской истории...» Покровский дает негативную и очень краткую характеристику внешней политики императора Александра I, насыщая работу уничижительными эпитетами и характеристиками. Историк пишет, что в начале своего правления напуганный примером собственного отца, разорвавшего дружеские отношения с Англией, что едва не привело к войне, «Александр держался английского союза, пока только можно было. В союз с Францией его загнала горькая необходимость, и он поспешил от него отделаться, как только представилась возможность. <...> Блестящие победы (русская армия дважды, в 1814 и 1815 гг., вступала в Париж) вскружили ему голову. Он стал смотреть на себя как на главу всех европейских государей, образовал “Священный союз”, который современники правильно назвали “союзом лицемерия и тиранства”, он будто бы должен был содействовать поддержанию всеобщего мира, а на деле был полицейским орудием борьбы с революцией» [21, с. 118].

В учебнике Покровского Отечественной войне 1812 г. уделено буквально несколько строк, но тем не менее, они своеобразны и заслуживают рассмотрения. Главной причиной происхождения Отечественной войны Покровский считал экономический фактор. По его мнению, континентальная блокада была вопросом жизни и смерти для империи Наполеона. Отказ России от континенталь-

ной блокады заставил Наполеона воевать. Взгляды историка на Отечественную войну были крайне односторонними, он преувеличивал агрессивность российской внешней политики и отказывался видеть в политике Наполеона стремление утвердить господство в Европе. По мнению Покровского, в столкновении между Россией и Францией проявились захватнические тенденции русского торгового капитала.

К началу 1930-х гг. концепция Покровского оставалась господствующей в советской историографии и до середины 1930-х гг. продолжала проводиться в общих курсах русской истории Н.А. Рожкова, С.А. Пионтковского, Н.Н. Ванага [20, с. 310]. Появление новых учебных работ было связано с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [16, с. 166] от 15 мая 1934 г., согласно которому главным результатом исторического образования провозглашалось марксистское понимание истории, а также говорилось о необходимости соблюдения историко-хронологической последовательности в изложении событий. Период 1930–1950-х гг. стал временем восстановления истории как самостоятельного учебного предмета. Значительную роль в становлении данной концепции сыграли замечания И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории [4].

Критика работ М.Н. Покровского и его школы была развернута после публикации в центральных газетах 27 января 1936 г. сообщения, в котором излагалось решение от 16 мая 1934 г. и краткое содержание замечаний Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, подчеркивалась неудовлетворенность представленными текстами. Вместе с тем указывались и причины создавшегося положения. Они заключались в том, что «авторы учебников продолжают настаивать на явно несостоятельных исторических представлениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского», которые оценивались как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку» [24, с. 166].

Критика взглядов М.Н. Покровского на войну 1812 г. (как и всей его исторической концепции) носила по-сталински «разносный» характер. Если специально подготовленная для сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» [23] статья В.И. Пичеты называлась «М.Н. Покровский о войне 1812 г.», то статья А.Л. Попова имела уже более разоблачительное название – «Внешняя политика самодержавия в XIX в. в кривом зеркале М.Н. Покровского». Да и сам сборник был переозаглавлен «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» [22]. С этого времени все сказанное Покровским по любому вопросу, включая оценки внешней политики России при Александре I и историю Отечественной войны 1812 г., либо замалчивалось, либо подвергалось резкой критике.

Противоречия взглядов Покровского и расхождение его трактовок со взглядами последующих историков – следствие противоречий в развитии его собственных взглядов, сформировавшихся до Первой мировой войны, когда своей главной задачей историк видел критику царизма во всех его проявлениях. По этой же причине некоторые историки оценивают взгляды Покровского как «вульгаризированный марксизм» [26, с. 573]. Суть замечаний советских историков сводилась к указанию на недостаточное знание источников, игнорирование фактов, втискивание их в абстрактную заранее созданную схему, ошибочность видения негативной роли народных масс и деятельности ряда военачальников в Отечественной войне [1, с. 12].

По-новому оценивают внешнюю политику Александра I учебники для вузов сталинских времен, в которых обильно цитируется «вождь народов». Если Покровский и его ученики трактовали внешнюю политику царской России вообще и Александра I в частности только как цепь ошибок и поражений, а в русских дипломатах видели лишь неловких и косных неудачников, во главу угла ставили социологические схемы, то в 1940–1950-х гг. появляется принципиально новый подход к внешнеполитической истории России. Такие авторы, как А.Л. Нарочницкий, М.В. Нечкина, старались показать действительную роль России на международной арене, положительные и отрицательные черты страны и ее соперников.

В учебнике «История СССР» (Т. II. Россия в XIX веке / под ред. М.В. Нечкиной) внешнеполитический курс России оценивается как агрессивный, так как Российская империя, «имевшая основанием уже начавшее разлагаться крепостное хозяйство, бессильная в отношении внутренних реформ», стремилась поддержать себя захватнической завоевательной политикой, причем констатируется и неоднократно подчеркивается, что Александр I придерживался захватнических планов, мечтая о европейской гегемонии, с самого начала своего правления [5, с. 30–33].

Причины войны 1812 г. в учебнике объяснены тем, что «экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых», поэтому Россия не могла не нарушать Тильзитские соглашения и не торговать с Англией. Если Нечкина подчеркивает в первую очередь тяжесть для России Тильзитского договора, противоречащего коренным политическим и экономическим интересам страны [там же, с. 35–36], то Покровский пишет о положительном влиянии континентальной блокады на русскую промышленность: «Избавленные от английской конкуренции русские фабрики стали расти буквально как грибы» [21, с. 103]. М.В. Нечкиной были учтены замечания относительно неверных трактовок Покровского. И если в отношении экономических причин войны России и Франции она была солидарна с Покровским, то в отношении, к примеру, роли народных масс в Отечественной войне Нечкина давала ей положительную оценку.

Исходя из положения, что отсталая крепостническая империя, «подтачиваемая изнутри разложением крепостного хозяйства и крестьянскими волнениями», стремилась любой ценой сохранить самодержавие, М.В. Нечкина приходит к выводу, что Россия не могла существовать без агрессивной внешней политики, выражением которой стали заграничные походы 1813–1814 гг., имевшие реакционный классовый характер. Священный союз оценивается ею как «союз царей против народов и революции», констатируется, что именно Александр I возглавил борьбу с революционным движением, а Россия стала международным жандармом. Историк не усматривает каких-либо прогрессивных, либеральных идей у Александра I, отмечая, что Священный союз

явился той силой, которая помогла организовать европейской реакции [5, с. 106–107]. Те же тезисы сохраняются и в последующих редакциях учебника, с некоторым, однако, смягчением тона критики. Внешняя политика Александра I также признается реакционной, однако гораздо более мягко обрисованы темы первого вступления России в антинаполеоновскую коалицию и начала заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. [6, с. 53–54, 91].

В 1940-е гг. А.Л. Нарочницкий обратил внимание на политику лавирования, проводимую Александром I. Необычна и не совсем точна мысль историка о том, что «Россию в 1815–1853 гг. от других государств отличало отсутствие глубоких внутренних противоречий в ее военно-феодальном строе. Это обстоятельство придавало царизму силу и обеспечивало ему руководящее положение на континенте Европы» [17, с. 48]. Между тем очевидно, что противоречия в России существовали, и лавирующий курс правительства это как раз подтверждает [24, с. 7].

XX съезд КПСС, осудив культ личности Сталина, тем самым раскрепостил советскую учебную литературу, открыв перед историками новые горизонты для творческого развития. Все это, естественно, сказалось и на изучении внешней политики эпохи Александра I. В учебном пособии, изданном в 1956 г., внешнеполитический курс России до 1813 г. уже рассматривается скорее как вынужденное противоборство с французским агрессором, чем «битва двух хищников». Описание внешнеполитических перипетий становится гораздо более обезличенным. Зато раздел, посвященный событиям во время и после Венского конгресса, имеет громкое наименование «Разгул дворянской и клерикальной реакции в Европе». Стоит отметить и следующее мягкое изменение трактовок: Священный союз также рассматривается как реакционное явление, но с особой оговоркой, что главным вдохновителем действий этого союза был Меттерних и что наибольшую заинтересованность в нем проявляла Франция, а не Россия [18, с. 109–110].

В этой исторической ситуации в учебном пособии Н.С. Киняпиной «Внешняя политика России первой половины XIX в.» Александр I характеризуется как «лукавый, вкрадчивый,

лицемерный и жестокий правитель». Киняпина негативно оценивает Тильзитский мир как «унизительный» политически и «невыгодный» экономически [15, с. 36]. Историк обосновывает правомерность заграничных походов 1813–1814 гг.: «Изгнание врага с русской земли не снимало с народов угрозы нового нашествия Наполеона. Нельзя было считать законченной борьбу, пока враг не был окончательно сломлен. Он мог, воспользовавшись передышкой, собрать свежие силы и перейти к новым завоеваниям. Войну необходимо было продолжать уже на территории государств, оккупированных Наполеоном, до полной ликвидации его стратегических планов покорения мира» [там же, с. 85].

Киняпина опровергает мнение, будто Кутузов из военно-стратегических и политических соображений не желал продолжения войны. По мнению историка, «это мнение неосновательно», так как споры Александра I и Кутузова «касались не существа, а лишь сроков выступления». Цели же и задачи внешней политики Александра I понимались ею как органически связанные с целями всей политической системы: они были самым непосредственным образом обусловлены «потребностями господствовавшего в России класса помещиков, растущей торговой и промышленной буржуазии» [там же, с. 284–285].

В работе большое место отводилось Священному союзу и отмечалось, что он был призван не только противодействовать развитию революционной идеологии, но и помочь реализации планов России на Ближнем Востоке. Историк подчеркивала, что созданная в 1815 г. реакционная система препятствовала освобождению народов от колониального гнета, тормозила прогрессивное развитие европейских государств, а Россия после Венского конгресса наряду с другими странами Европы стала играть роль международного жандарма [там же, с. 5–6, 98]. Следует отметить, что работа Киняпиной, будучи учебным пособием, в основе своей является самостоятельным историческим исследованием, в котором использованы как известные ранее источники, так и новые, в частности публикующиеся в начале 1960-х гг. документы из серии «Внешняя политика России XIX и начала XX века».

Дальнейшее смягчение оценок мы видим на примере учебного пособия «История СССР» (Т. I. С древнейших времен до 1861 г. / под ред. Л.В. Черепнина), где находит дальнейшее развитие тезис о противоречивости внешней политики Александра I. Отмечается, что Россия стремилась к миру. Черепнин проводит мысль о том, что проекты внутренних реформ Александра I стали следствием стремления успокоить недовольство общественного мнения из-за непопулярного Тильзитского мира. Историк отмечает противоречивость значения заграничных походов русской армии: с одной стороны, русская армия помогла народам Европы освободиться от тирании Наполеона; с другой стороны, победой воспользовались реакционные правящие круги с целью восстановления старого порядка [7, с. 652].

Постепенная эволюция оценок внешнеполитической деятельности Александра I в сторону «либерализации» продолжилась и в 1970-е годы. Так, в «Истории СССР» С.Б. Окуня признается дальновидность взглядов Александра I. Отмечается «двойное дно» внешней политики Александра Павловича в первые годы царствования: ее целью был союз с Францией при наличии потенциальной антифранцузской коалиции, к которой можно было бы примкнуть в случае обострения противоречий. Историк обращает внимание на тот факт, что не Аустерлиц и Фридланд привели Россию к Тильзиту, а потеря союзников и прекращение финансовой помощи Англии. По мнению историка, дипломатическая дуэль в Тильзите была выиграна Наполеоном, которому удалось создать предпосылки зависимости России [19, с. 175–176].

В своем заключительном виде оценки советской исторической науки внешнеполитической деятельности Александра I можно проанализировать на примере работ начала 1980-х годов. Авторы «Истории СССР (XIX – начало XX в.)» указывают на желание Александра I сохранять нейтралитет во франко-английском антагонизме начала XIX в. и на вынужденность участия России в 3 и 4-й антинаполеоновских коалициях как мерах сдерживания наполеоновской агрессии. Отмечается тяжесть участия России в континентальной блокаде, так как она полностью разрывала торговые и политические отношения с Вели-

кобританией. Тильзитский мир авторы оценивают как компромисс [8, с. 34, 36–37]. Венский конгресс, создавший новую политическую ситуацию, называется «актом насилия по отношению к народам Европы». И если для первой половины царствования Александра I характерны логичность и последовательность во внешнеполитической деятельности, то внешнюю политику императора после Венского конгресса авторы характеризуют как непоследовательную и противоречивую. Констатируется, что Венская система не привела к европейскому равновесию, всеобщему миру и политической гармонии, а породила новые противоречия между европейскими правительствами [там же, с. 53–59].

В первые годы *перестройки* учебная литература в целом оставалась на тех же позициях. В работах историков повторялись прежние классовые оценки и цитирование Ленина. Изменение политической ситуации в стране на рубеже 1980–1990-х гг., новая ситуация в области источниковой базы исследований, вызванная открытием для исследователей новых фондов в различных архивах, привели к изменению взглядов на мотивы и содержание внешней политики Александра I и его правительства.

В *постсоветской* учебной литературе, на наш взгляд, следует выделить три направления. К первому относятся исследователи, идеализирующие внешнюю политику Александра I (Б.В. Личман, С.В. Воронкова, Н.И. Цимбаев). Ко второму – авторы, придерживающиеся умеренных трактовок (А.Н. Сахаров, П.Н. Зырянов, Н.И. Павленко, А.Ю. Дворниченко). Третье направление представлено историками, критически оценивающими международное положение России в первой четверти XIX в. (Н.А. Троицкий). В 1990-х гг. из подавляющего большинства учебников исчез классовый подход. В результате диапазон оценок Александра I и его внешней политики в постсоветской учебной литературе простирается от защиты до жесткой критики.

В учебнике «История России с древнейших времен до второй половины XIX века» под редакцией Б.В. Личмана отмечается, что в начале XIX в. русское правительство стремилось к разрешению международных конфликтов дипломатическими средствами, выс-

тупало за умиротворение Европы, смягчение франко-английского антагонизма. Оценивая Тильзитский мир как необходимую и успешно использованную Александром I передышку [9, с. 248], авторы учебника не дают характеристики континентальной блокады и обходят вниманием факт создания Священного союза. Указывается, что победа над Наполеоном сопровождалась после 1812 г. усилиями и консолидацией европейской реакции, одним из оплотов которой стала Россия. Можно отметить следующий акцент, характерный для эпохи перестройки: в учебнике отмечается, что после победы над Наполеоном «европейские правители без учета воли народов произвели передел территории» [там же, с. 247–248]. Эта мысль, в свое время высказанная Энгельсом, в свете событий распада СССР и «парада суверенитетов» получила особую актуальность.

Характерна для постсоветского времени работа Н.А. Троицкого «Россия в XIX веке. Курс лекций». Внешнюю политику русского императора в первые три года царствования историк характеризует как «флиртующую». Автор отмечает, что коалиционные войны 1805–1807 гг., в которых союзники на словах провозглашали принципы свободы и легитимизма, велись из-за территориальных претензий и главным образом из-за господства в Европе. И если Наполеон в эти годы действовал более агрессивно, то его противники – более реакционно. По мнению Троицкого, действия каждой стороны в тех войнах имели и объективно прогрессивные последствия: коалиционеры противодействовали гегемонизму Наполеона, а Наполеон разрушал феодальные устои Европы [27, с.16–17]. Историк еще раз подчеркивает, что в коалиционных войнах 1799–1807 гг. Россия стремилась к европейской гегемонии.

Тильзитский договор, по выражению Троицкого, представлял собой «нечто вроде мины замедленного действия, которая была заложена в русско-французские отношения» [там же, с. 21]. Автор оценивает Священный союз как сугубо реакционную организацию и квалифицирует его как «маскировку гегемонии царя над всеми правительствами Европы» [там же, с. 60].

В некоторых учебниках и учебных пособиях последних лет оценивается более взве-

шенно внешняя политика Александра I. Ярким примером этого может служить учебное пособие С.В. Воронковой, Н.И. Цимбаева «История России, 1801–1917». По мнению авторов, если проследить внутреннюю логику внешней политики Павла I «невозможно», то внешнюю политику России при Александре I стали отличать последовательность и целеустремленность. По оценке авторов, Александр I был лучшим дипломатом своего времени. «Ни на минуту не забывая о собственной безопасности и о необходимости поддержания устоев самодержавия, Александр I умело проводил политику, которая в конечном счете соответствовала национальным интересам России и привела страну к вершине ее европейского могущества» [2, с. 24]. По мысли авторов учебника, свою главную задачу молодой император видел в борьбе с «революционной заразой», которую для него символизировали Франция и Наполеон. Здесь царь был принципиален и тверд, хотя нередко ему приходилось встречать непонимание и преодолевать изоляционистские настроения даже в ближайшем своем окружении. По оценке историков, Александр I проводил осторожную внешнюю политику, «авантюры были не в его характере». Источник конфликта между Россией и Францией авторы видят в том, что Наполеон сознательно провоцировал русского царя, которого недооценивал, считая безвольным и слабым [там же, с. 24–25].

Рассматривая Венский конгресс, историки пишут, что «идеи легитимизма, поддержки законности в Европе и противодействия революционным потрясениям легли в основу внешней политики Александра I» [там же, с. 37], однако не обращают внимания на реакционность русской внешней политики после 1815 года.

Тем не менее для большинства современных учебных пособий характерны осторожные оценки внешней политики Александра I. Примером этого может служить «История России XIX – начала XX в.», написанная коллективом авторов под редакцией В.А. Федорова, и «История России с начала XVIII до конца XIX века» под редакцией А.Н. Сахарова.

В учебнике МГУ 1998 г. под редакцией В.А. Федорова личность Александра I, в отличие от издания, к примеру, 1981 г., представлена в новом свете и раскрыта гораздо более

полно. Теперь он характеризуется как «искусственный политик и дипломат», взгляды которого на систему международных отношений сочетали некоторые передовые идеи той эпохи с консерватизмом и легитимизмом [10, с. 46]. Авторы справедливо отмечают, что основной задачей внешней политики России в первой четверти XIX в. являлось создание естественной геополитической системы для России, связанной с решением ее национальной безопасности. Авторы «оправдывают» внешнеполитический курс России, говоря, что Россия, как и другие великие державы, стремилась к расширению территории, завоеванию новых подданных, укреплению своего могущества, и «эти завоевательные тенденции фактически не выходили за рамки реализации указанной основной внешнеполитической задачи». Правомерно признается, помимо международной ситуации, влияние на внешнюю политику Александра I экономических интересов [там же, с. 45].

В работе дается анализ целей 3 и 4-й антинаполеоновских коалиций, их отличие от 1 и 2-й. Авторы избегают негативных характеристик Тильзитского мира, отмечая, что российская дипломатия добилась максимально возможного. Как и в учебнике 1981 г., отмечается непоследовательность и противоречивость внешней политики Александра I после Венского конгресса, в то же время по-новому характеризуется значение самого Венского конгресса, в котором историки видят не только негативное, но и положительное значение, в частности состоящее в том, что он позволил Европе в течение почти сорока лет сохранять мир. Констатируется, что Священный и Четверной союзы «приглушили, но не сняли остроту противоречий между великими державами» [там же, с. 50, 53–79, 91].

В «Истории России с начала XVIII до конца XIX века» прослеживаются основные внешнеполитические события, в которых принимала участие Россия, в то же время в этом учебнике не дается анализа причин вступления России в антинаполеоновские коалиции или причин заграничного похода русской армии. Автор раздела об эпохе Александра I П.Н. Зырянов характеризует российскую внешнюю политику первой четверти XIX в. как активную и отмечает самолюбие Александ-

ра I, которое проявлялось в противодействии российского императора попыткам Наполеона диктовать ему свою волю после Тильзитского мира [12, с. 306–308]. Историк справедливо отмечает, что победа над тиранией Наполеона была использована европейскими правителями для восстановления прежних монархий. Меняется и оценка Священного союза. Послевоенное устройство мира, осуществленное на консервативной основе, он оценивает как непрочное. По мнению Зырянова, Священный союз был активен лишь в первые 8–10 лет, а затем фактически распался. В то же время историк пишет, что Венский конгресс и Священный союз нельзя оценивать только отрицательно, так как положительное их значение выразилось в обеспечении «нескольких лет» всеобщего мира в Европе [там же, с. 319–320].

Оценочный момент внешней политики России фактически снимается в учебном пособии «История России с древнейших времен до 1861 года» (2000) под редакцией Н.И. Павленко. Оценочная составляющая в данном пособии представлена минимально, освещение внешнеполитических событий отличается сдержанностью и тяготеет к «историографическому централизму». В целом оценки учебника близки к оценкам советских историков 1970–1980-х годов. Авторы отмечают, что, объединяясь против Наполеона, европейские монархи преследовали далеко не только оборонительные, но и цели реставрации монархий, имели свои виды на перекраивание карты Европы [11, с. 435].

В другом учебном пособии А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиевой, Т.А. Сивохинной «История России с древнейших времен до наших дней» Александр I характеризуется как правитель, не рискнувший прямолинейно проводить деспотическую политику. Авторы отмечают, что его политическое сознание с возрастом значительно изменилось, и из либерала в первые годы царствования он постепенно превращался в консервативного и даже в реакционного политика. Для данного учебного пособия в целом характерны умеренные и взвешенные оценки. Так, проследивая историю антинаполеоновских войн, авторы, не вдаваясь в глубокий анализ, пишут, что причиной вступления России в 1805 г. в 3-ю коалицию стали агрессивные планы Наполеона. Указывая на не-

выгодность для России Тильзитского мира, историки замечают, что он дал ей временную передышку в Европе, позволив активизировать политику на восточном и северо-западном направлениях [13, с. 208–209]. Авторы отмечают, что участникам Священного союза, несмотря на заявленные цели сохранения новых установленных после Венского конгресса границ, укрепление феодальных династий и подавление революционных движений, в конечном счете не удалось ни восстановить в полной мере прежние феодальные порядки в Европе, ни предотвратить периодически вспыхивавшие в течение первой половины XIX в. революции.

Авторы пособия характеризуют созданную усилиями Александра I Венскую систему как подразумевавшую изменение территориально-политической карты Европы, сохранение дворянско-монархических режимов и европейского равновесия. По мысли ученых, под религиозной оболочкой Священного союза скрывались прежде всего политические цели: поддержка старых монархических династий на основе принципа легитимизма, борьба с революционными движениями в Европе и сдерживание многих народов в искусственных государственных границах, созданных решениями Венского конгресса [там же, с. 215].

В учебном пособии «История России» (авторы – А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Тот, М.В. Ходяков) признается «лабиринт» России между интересами Англии и Франции в начале века, отмечается, что только агрессивные действия Наполеона привели к дальнейшему сближению с Англией против Франции. Причины заключения Тильзитского мира видятся теми же, что называли и советские историки 1970–1980-х гг. [3, с. 237]. В оценках Священного союза нет негативных нот советских историков: указывается на общую консервативную направленность Союза и на позитивные моменты в его деятельности – обеспечение мира в Европе после кошмара наполеоновских войн [там же, с. 241].

Обзор литературы позволяет сделать вывод о плодотворном развитии темы внешней политики Александра I в учебниках и учебных пособиях. Советские авторы, начавшие совершать свои выводы почти с «чистого листа», привнесли в учебную литературу

новые оценки, акценты и методологию, отказавшись от историографического наследия до-революционных авторов. Сделав основополагающей критику захватнических целей царизма, реакционности внешней политики Александра I и Священного союза, советские авторы по-разному оценивали такие важные темы, как Тильзитский мир и участие России в континентальной блокаде, заграничные походы 1813–1814 гг. и русско-шведская война, участие России в 3 и 4-й коалициях и др., принося в науку новые трактовки. Постсоветские авторы стали преемниками как советской, включая школу Покровского, так и до-революционной историографии. Отказавшись от односторонней критики Священного союза и внешнеполитических действий Александра I после 1815 г., постсоветские историки стали указывать на определенные объединительные тенденции в международных отношениях этого периода. Отойдя от характеристики Александра I как бездарного политика и дипломата, авторы последних двух десятилетий стали рассматривать Александра Павловича как талантливого и неординарного политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалихин, Б. С. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987 / Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. – М. : Наука, 1990. – 243 с.
2. Воронкова, С. В. История России, 1801–1917: учеб. пособие / С. В. Воронкова, Н. И. Цимбаев. – М. : АспектПресс, 2007. – 560 с.
3. Дворниченко, А. Ю. История России : учебник / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Тот, М. В. Ходяков. – М. : Проспект, 2008. – 472 с.
4. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. – 1936. – 27 янв.
5. История СССР. Т. II. Россия в XIX в. / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – 762 с.
6. История СССР. Т. II. Россия в XIX в. Кризис феодализма. Утверждение капитализма / под ред. М. В. Нечкиной. – 3-изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1954. – 847 с.
7. История СССР. Т. I. С древнейших времен до 1861 г. / под ред. Л. В. Черепнина. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1964. – 854 с.
8. История СССР (XIX – начало XX в.) : учебник / под ред. И. А. Федосова. – М. : Высш. шк., 1981. – 462 с.

9. История России с древнейших времен до второй половины XIX в. : Курс лекций / под ред. проф. Б. В. Личмана. – Екатеринбург : УГТУ, 1994. – 304 с.
10. История России XIX – начала XX в. : учебник / под ред. В. А. Федорова. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 752 с.
11. История России с древнейших времен до 1861 года : учебник / под ред. Н. И. Павленко. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 2000. – 560 с.
12. История России с начала XVIII до конца XIX в. / под ред. А. Н. Сахарова. – М. : АСТ, 2000. – 543 с.
13. История России с древнейших времен до наших дней / А. С. Орлов [и др.]. – М. : Проспект, 2001. – 520 с.
14. Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. – М. : Наука, 1981. – 392 с.
15. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. : учеб. пособие для вузов / Н. С. Киняпина. – М. : Высш. шк., 1963. – 288 с.
16. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. документов, 1917–1973 гг. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с.
17. Нарочницкий, А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. : Стенограммы лекций / А. Л. Нарочницкий. – М. : 1946. – 76 с.
18. Новая история. Первый период, 1642–1870 : учеб. пособие. – М. : Высш. парт. шк., 1956. – 291 с.
19. Окунь, С. Б. История СССР : (Лекции). Ч. 1. Конец XVIII – начало XIX в. / С. Б. Окунь. – М. : ЛГУ, 1974. – 222 с.
20. Отечественная война 1812 г. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2004. – 880 с.
21. Покровский, М. Н. Избранные произведения в 4 кн. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – М. : Мысль, 1967. – 672 с.
22. Против антимарксистской концепции Покровского. – М. ; Л. : АН СССР, 1939. – 506 с.
23. Против исторической концепции Покровского. – М. ; Л. : АН СССР, 1939. – 517 с.
24. Советская историография / под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : РГГУ, 1996. – 561 с.
25. Страхова, Н. П. Россия в Венской системе международных отношений в 1815–1822 гг. : отечественная историография проблемы (после 1917 г.) / Н. П. Страхова // Вестник ВолГУ. Сер. 4, История. Философия. – 1997. – Вып. 2. – С. 5–14.
26. Троицкий, Н. А. Покровский М. Н. / Н. А. Троицкий // Отечественная война 1812 г. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2004. – 880 с.
27. Троицкий, Н. А. Россия в XIX в. : курс лекций / Н. А. Троицкий. – М. : Высш. шк., 1997. – 432 с.

**RUSSIAN TEXTBOOKS AND EDUCATIONAL LITERATURE
ON EUROPEAN COURSE OF ALEXANDER I'S FOREIGN POLICY
(SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS)**

T.A. Makarova

Educational material is an important historiographic source which illustrates how historians' views and estimates changed over the times (in the Soviet and post-Soviet periods, for instance). The author of the article tries to show how the historiography on the problem of Alexander's foreign policy demonstrates the change of political and theoretical marks of a society.

Key words: *historiography, educational literature, Soviet, post-Soviet periods, Alexander I, Napoleon, foreign policy.*